

Марина Каменская 23.09.03

Россия - 2005 - 23 септ. - с. 19

Александра Маринина: «Человек должен жить для себя»

Если раньше от Александры Марининой ждали исключительно Каменскую, то последние годы читатель напряженно гадает, что за книга выйдет из-под ее пера: детектив или психологичес-

кая проза, а может, и вовсе пьеса? Новый роман «Каждый за себя» оказался, ко всеобщему удивлению, мелодрамой — и хорошим поводом задать известной писательнице множество вопросов.

— Марина Анатольевна, складывается впечатление, что вы с некоторых пор специально и методично пробуете перо в самых разных жанрах. Ищете новую нишу, где вам будет так же уютно, как в детективе?

— «Специально» я ничего не делаю с тех пор, как вышла в отставку и у меня не стало начальников. Сегодня я радуюсь, что могу жить, руководствуясь только здравым смыслом и собственными сиюминутными желаниями. В какой-то момент мне вдруг захотелось написать семейную сагу... И это случилось именно вдруг — я давала очередное интервью, где в очередной, наверное, в сто двадцать восьмой раз, задали вопрос: не хочу ли я выйти за рамки детектива и попробовать себя в чем-то другом? И я абсолютно искренне, не кривя душой, говорила, что нет, не хочу, что мне очень нравится жанр детектива и все, что я хочу сказать, я могу в его рамках сказать. И буквально через две-три недели мне в голову стукнуло: хочу семейную сагу. После романа «Тот, кто знает» я опять написала детектив. Потом — «Фантом памяти». Затем опять вернулась к Каменской. И вдруг пришло желание написать мелодраму в самом ее классическом проявлении — со слезами, самокопанием и феерически счастливым финалом.

— История Золушки?

— Скорее Антизолушки. Героиня с высот благополучия обрушивается в пропасть полной нищеты и неустроенности и пытается в этой нищете и неустроенности выжить. Выжить, сохранив какую-то душевную целостность, не озлобившись, не начав проклинать весь мир.

— У героини романа «Каждый за себя» есть прототип?

— Есть. В похожей ситуации оказалась моя подруга — беженка из Узбекистана, врач по специальному, русская по рождению, с узбекским отцом и фамилией (по отчиму) и с узбекским же паспортом. Точно так же, как героиня романа, она в Узбекистане оформила гражданство, но в тот момент не было бланков паспортов, и она не получила российский паспорт. Уехала в Москву вместе с мужем, которому повезло больше — он российский паспорт успел получить. Их брак оказался недолговечным — и Вероника осталась без жилья и без средств к существованию. На работу она официально устроиться не могла, поскольку нет российского гражданства, и пошла в домработницы.

— Произошедшая с ней детективная, а затем и романтическая история в самом деле имела место?

Ну, эти истории — плод моей фантазии. Реальная Вероника по-прежнему в домработницах, крутится, пытается встать на ноги.

— Название вашего нового романа «Каждый за себя» звучит не-

однозначно. У нас было принято считать, что каждый за себя — это плохо, а один за всех и все за одного — это очень хорошо.

— «Каждый за себя» — это в моем понимании глубоко позитивная установка в том плане, что каждый сам отвечает за себя, за качество своей жизни. Если мы сами не признаем, что у нас есть собственные желания и потребности, если мы не будем прислушиваться к своей душе и делать то, чего она просит, ничего хорошего из этого не выйдет. Если мы не будем любить себя, уважать себя, делать что-то на благо себе, то любить нас, уважать и делать что-то во благо нам другие тем более не будут. Своим отношением к себе, к своей душе, к своему телу, к своей жизни, в конце концов, мы посыпаем информацию во внешний мир. Если мы пошлем информацию «мне ничего не надо, я готова всю свою жизнь положить на благо других», то ничего и не получим. Мир эту информацию считает: «Раз тебе не надо, то ты ничего и не получишь». В этом смысле каждый должен понимать, что он отвечает за свою жизнь, которую должен сам построить, и не ждать, что за него это сделает хороший дядя. Человек должен жить в первую очередь для себя.

— Отношения «хозяин — слуга» достаточно серьезно представлены в литературе — начиная от Эзо-

па и заканчивая Дарьей Донцовой. Чем эта тема заинтересовала вас?

— На самом деле эта тема как таковая мне неинтересна. Ее я затронула только потому, что главный персонаж — домработница. Мне было важно показать два антитипа, две семьи: семью Сальниковых, где работает Вероника Кадырова, и семью Фадеевых, в доме напротив. Я хотела показать, как разобщенная, недружная семья может сплотиться вокруг конструктивной идеи (в нашем примере — поиск и спасение Ники) и, наоборот, как страдают и начинают ненавидеть друг друга члены очень дружной и сплоченной семьи, охваченной идеей злобы.

— Тема злобы проходит через многие ваши романы, и вы снова к ней возвращаетесь. Почему?

— Лично для себя — еще восемь лет назад, когда писала книгу «Убийца поневоле», — я четко определила, что месть неконструктивна, бессмысленна и разрушительна. Но мне хочется все время к этому возвращаться, потому что, боюсь, не была достаточно убедительна, пытаясь донести эту мысль до читателя.

— А в прошлой жизни, когда вы работали в милиции, вам часто приходилось сталкиваться с преступлениями из мести?

— Преступления из мести, которые долго готовятся, на алтарь ко-

торых кладутся и деньги, и здоровье, и жизнь, и судьба, и профессия, очень хорошо описывать в детективе, потому что сюжет получается интересным, интрига — долгой и сложной, но в реальной жизни они очень редки. В настоящей структуре преступности 80, а то и 90 процентов преступлений таковы, что на них сюжета книги не построишь — они скучны, неинтересны, примитивны, похожи друг на друга, и о реальной структуре преступности судить по художественной литературе, безусловно, нельзя.

— Какие преступления вам интересны?

— Я не пишу и никогда не писала книг, для того чтобы рассказать о преступлении. Да, как бывший работник МВД, я много знаю о преступниках и преступлениях, но из этих знаний, как из кусочков мозаики, я собираю некую конструкцию, которая позволит реализовать идею задуманной книги: говорить о проблеме, о конфликте, о личной драме, которая мне в данный момент интересна и над которой я предлагаю читателю подумать вместе со мной. Если получается так, что мне нужна ситуация с убийством ребенка за карточный долг (роман «Убийца поневоле. — Ред.»), то это не потому, что я хочу написать о том, как убивают детей, проиграв их в карты, а просто потому, что я хочу написать о трагической судьбе человека и его изломанной душе.

— Какую идею вы намерены обсудить в следующей книге?

— Идею постперестроечной адаптации.

— А подробнее...

— Сейчас я обдумываю новую книгу, которая пока условно называется «Неоконченная пьеса для механического правосудия» или более короткий вариант — «Соавторы». Три автора вместе пишут книги под издательский проект. Все трое очень разные, из разных поколений, с разным менталитетом, с разной судьбой, с разной биографией.

— Это будет детектив?

— В книге, безусловно, будет детективная интрига и, вполне возможно, там даже будет Каменская, или Никотин, или Сережа Зарубин, или Коротков — еще не решила.

— В романе «Незапертая дверь» вы виртуозно познакомили героев романа «Тот, кто знает» — Наталию Воронову, Ирочку, Руслана — с героями цикла о Каменской. Не хотите ввести в «Соавторов» Веронику Кадырову?

— Не знаю. Если я решу, что милицейская линия будет связана с Никотином, то, вполне возможно, появится и Вероника. А может, Вероника появится в следующей книге — если мне вдруг покажется это уместным или я по ней соскучусь.

Беседовала Ирина Иванова